

*Памяти моего отца
Николая Владимировича Димчевского
посвящается...*

H. Bruns

Николай Димчевский

СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ

Стихи

*Санкт-Петербург
2018*

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д 67

Николай Димчевский

Д 67 Скращения судеб (*Стихи*). –

СПб.: Фонд им. Николая Димчевского. 2018. – 128 с.

ISBN 978-5-94432-130-5

Ритмы природы и жизни, радость любви, нехватность родных просторов, раздумья о судьбах и времени, чувство напряжённой связи настоящего с прошлым – таковы основные мотивы стихотворений Николая Димчевского.

Сборник объединяет неопубликованный цикл стихов «Скращения судеб», написанный автором в 90-е годы прошлого столетия, и лучшие поэтические произведения из книги «Краски севера».

ISBN 978-5-94432-130-5

© Бабаева Е. Н., 2018

ПРЕДВАРЯЮЩЕЕ СЛОВО

Ранней весной, когда сыреет и жухнет снеговая синь, и поздней осенью, когда утром неожиданный снег одаривает забытой белизной, случалось странное волнение, тянуло смотреть вдаль и брести по нетронутому белому покрову, и ещё хотелось надолго оставить в себе эту неуловимость настроения, и уже зналось, что закрепить её может слово.

Предчувствие дорог вызывал изменившийся простор, а живые слова таились в синей книжке сказок и былин, которые вслух читала бабушка Анна Васильевна, потому что сам ещё не умел читать.

Когда научился выводить печатные буквы, сразу же применил это умение для дела – начал писать и лет за десять заполнил несколько тетрадок, сшитых из обёрточной бумаги, поскольку стихи были уже о военных временах. Занимался и другим творчеством – столярничал, чинил часы, плёл лапти (обувка военных лет), огородничал.

Так счастливо получилось, что по случайности одна из тетрадок попала к А. Н. Толстому. В апреле 1944 года Алексей Николаевич пригласил к себе. Было утро. У него в руках мои стихи, которые он подробно и добро разбирал. Сравнив наш мозг с роялем, он сказал, что затёртые газетные слова, как вялые пальцы, бессильны крепко ударить по клавишам, и рояль молчит. Лишь свежее слово вызывает ответный звук, образ, чувство. Он показал, где вяло, а где свежо и крепко в моих строчках. Это был настоящий и единственный урок мастерства, преподанный мне Алексеем Николаевичем Толстым.

После университета уехал работать в Астрахань и стихи писать перестал, поняв, что по-старому нельзя, а новое слово не пришло.

И всё же, именно, на Волге, напивавшись простором, написал первое настоящее свое стихотворение «Жестяные цветы на воротах сада...».

Возвратившись через три года в столицу, перебрал несколько профессий, но простор всё время звал. Уволился из конторы и уехал с геологами на Ангару и Енисей. Люди были поддаться сибирским просторам – такие же вольные, широкие.

Поражали и не отпускали переливы синевы, скалы, пробитые медными соснами, таёжная первозданность, ещё не испорченная варварской бесхозяйственностью. Здесь опять неожиданно пришли стихи. Писал их с натуры, как этюды. Завершив сезон, вернулся домой и стал работать в газете, потому что уже не мог жить без движения. Ходил на тральщиках в Баренцевом море, кочевал с пастухами по тундре Полярного Урала, на танкере прошёл по Лене вдоль марсиански пустынного Верхоянского хребта до Тикси, с пограничным кораблем – мимо Сахалина, Курил, Камчатки – на Чукотку... Берингово море, остров Ратманова и в дальней дымке – Америка... Постепенно страсть к дальним краям сменилась тихой любовью к подмосковным и рязанским местам.

Но уже до этих поездок стихов накопилось столько, что решился, наконец, показать мастерам. К удивлению, мои строчки были приняты всерьёз и даже понравились. Об этом когда-то говорил В. Луговской, потом Е. Винокуров, позже К. Ваншенкин, В. Огнев.

Отважился отнести небольшую подборку в «Новый мир». Поднялся по длинной лестнице, начинавшейся прямо от двери подъезда с улицы Чехова, увидел слева в полутёмной прихожей старушку дежурную, оставил ей рукопись и ушёл.

Дней через десять – звонок по телефону. Говорили из отдела поэзии. Александр Трифонович отобрал несколько стихотворений и ставит их в № 11, 1959. До сих пор сожалею, что с самим А. Т. Твардовским так ни разу и не встретился.

Удача прибавила решительности (вообще же старый друг очень давно и верно вывел формулу моей «пробивной способности», приравняв её к «пробойной силе комара»), и вот стихи отнесены ещё и в «Литературную газету». Там тогда заведовал поэзией молодой человек в штучном пиджачке и с грандиозной, будто папаха, шевелюрой. Сначала в память запала только его внешность, а непривычная для слуха фамилия запомнилась потом – Окуджава. Ну, и – чудо! Он звонит, что стихи – в номере... И все это разом в конце 1959 года.

На двух этих чудесах судьба как бы остановилась. Только в 1968 году Егор Исаев благословил первую книжку моих стихов «Прорубь». Другая книга «Облик странствий» вышла в 1976 году тоже в «Советском писателе». Кроме них, изданы ещё две книжки: «Краски Севера» («Молодая гвардия», 1972 г.) и «Можжевельный корень» («Современник», 1983 г.). Каждая из них ни одной строкой не повторяет предыдущие. Вышли также четыре книги прозы.

Ненапечатанного осталось примерно столько же.

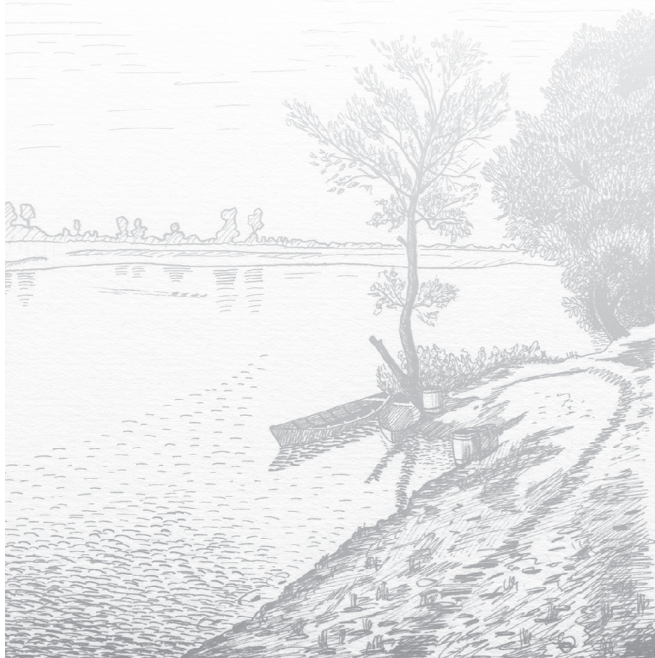
Автор
Из книги «Рождение рек», 1989 год

*Судеб скрещения...
Б. Пастернак*

Судеб скрещения –
как в огне крещение.
Судьба к судьбе – кресало о кремь!
Перехлестнутся взоры, словно звенья,
и колом из всего коловращения
вдруг выпирает
переломный день.
Вчера лишь незнакомые,
сегодня,
увидевшись, сплавляются в одно.
Их прошлое скользит по шатким сходням,
срывается и падает на дно.
И жизнь сначала
барку закачала,
и понесла, попёрла, повлекла...
Как будто вовсе не было причала.
Где тишина литым стеклом стояла,
звенят осколки битого стекла.

О, переломы жизни!
О, скрещения!
Суды судеб.
Нить, впряженная в нить.
Нежданной встречи
принимаю день я,
чтоб снова
жизнь
(в который раз!)
прожить...

СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ

СТИХИ О СТИХАХ

Не обозначу даты в конце стихотворенья.
Пускай живёт и дышит,
пока живут коренья.
В земле, в золе и глине
потоки нужных слов.
Писал стихи тогда я,
когда не до стихов.

Прощанье с жизнью было.
На грани бытия –
меж словом и меж смертью
свой выбор делал я.

Случалось приближенье
к дыханию вершин.
Меж радостью и словом
свой выбор я вершил.

И дело тут не в датах,
не в слоге, не в словах –
так захотели
сердце, рука и голова.

И не дождавшись
даже намека на зарю –
безвестен и беспечен,
себе я говорю:

О муках слова много смололи чепухи,
легко
из дней тяжёлых
слагаются стихи.

* * *

Продать свой мозг,
себе не признаваясь,
скрывая сделку от своих же глаз.
Но сделка – сделка.
Мозг и деньги.
Меняешь мозг на деньги –
вот весь сказ.

Продавши мозг, ещё таишь надежду –
Осталась при тебе твоя душа, торгаш.

ОН ПТИЦ ПРИВЕЧАЕТ...

Здесь дуб
из времён Иоанна Четвёртого
корячится, кажет кривые наросты.
Наверно, Малюта
на дыбе вывёртывал
все сучья и жилы, все листья и кости...

Познавши
глухую цену выживания –
он птиц привечает и щедр на убранство...
Но как запоздалы
ростки его ранние,
как скупо и трудно он делит пространство!

Вершок за вершком –
в глубину сокровенную,
в разгул грозовой и безмолвие света...
Он миром зелёным вращался
во Вселенную,
и желуди
звёздами падали с веток.

Сквозил между туч и светил, и движения
времён, уводящих в ночные глубины,
привязчивый погляд
лихого безвременья
по-сычи следящий
за жизнью невинной.

Столетия у грани всечасной гибели...
Но в каждом мгновенье он жив постоянством —
весна ль расцветила, мороз ли повыбелил —
он птиц привечает
и щедр на убранство.

А БЫЛА ТЕЛЕГА

Где твоя телега?
Четыре колеса,
разбитые с разбега,
валяются в кустах.

В голове – похмелья
суковатый кол,
вчерашнего веселья
памятный глагол.
Эх, сколько наговорено
было под стакан...
И вот
тележным шкворнем
душу – вдрабадан.

Пьяное лихачество,
рубахи разрыванье...
Забыто напрочь, начисто
твое хмельное ячество,
дурацкое трюкачество,
а с ними –
чин и званье.

От всех забот
к единственной
заботе ты пришёл:
похмельным колом выбить
в башке застрявший, страшный
вчерашний
суковатый необоримый кол...

А ведь была телега —
четыре колеса:
была надежда, нега
и вера, и краса...

*Памяти Александра Алексеевича Побожего,
первопроходца Байкало-Амурской магистрали*

ТРАССА ВНИЗУ...

Их солнцем низким пронизало
и высветило охряно с боков –
от волн амурских до Байкала
архипелаги облаков.

Под их наплывы
у крутого края,
где трасса режет наледь стылой мглы,
бесшумно падают,
на рельсах догорая,
лучей сосновые стволы.

Предел судьбы...
Как сложно и как просто...
Минуло всё – и радость, и беда,
и всёж
не верю,
что, как зыбкий остров,
жизнь растворилась в бездне
без следа.

Был Салехард, Надым...
Тюменский север.
Недвижный жар Монголии степной.
Не днями –
ты шагами годы мерил,
и даль манила злою новизной.

Что только над судьбой не нависало!
Ты гнул своё,
не дав себя согнуть.
Увалисто прошёл ты по увалам,
чтоб стал железным
нетореный путь.

Ни на одной выдавшей виды карте
уж не сыскать тогдашних облаков...
Но там, внизу, негаснущим азартом
гудит в сердцах
твоя живая кровь.

Смерть смертию она теперь попраля,
скрепляя лучше всяких арматур
кривой кристалл бесценного Байкала
и царственный Амур.

И там, где медленно ворочается
жернов
огрызших гор
и тинистой тайги,
в распадках светлых,
в пихтах чёрных
ещё звучат
твои шаги.

* * *

Боюсь владельцев дач,
страшит меня их милость.
Из многих неудач
удача их сложилась.

Калитка – словно лаз,
участок мал и узок.
Прищурен хваткий глаз,
и губы – вроде гузок.

Проходишь мимо ты
и чувствуешь всей кожей
дыханье немоты,
которая их гложет.

Над вёдрами песка,
над кучей перегноя
убогая тоска
лишила их покоя.

Осевшее бревно,
подгнившие стропила...
Их помыслы давно
забота затопила...

Когда из неудач
решишь создать удачу –
пройдись вдоль старых дач,
подыскивая дачу.

ОСЕНЬ

Бузину да волчьи ягоды
с бересклетом и рябиной,
вздохи тяжкие и тяготы
собрала в подол ряднинный.

Всё загрёбистей, убористей,
устали не замечая,
нахватала горьких горестей,
белены да молочая.

Вся, как есть, не принаряжена
ни в обычи, ни в обличьи,
потатила чрез овражины,
через посвисты синичьи.

И в котёл осенних месяцев,
поворчав, кулём свалила
и глядит, как буйно бесится
злого зелья злая сила.

* * *

Метель
и мельница на голом склоне.
Когда-то
эти крылья
ловили ветер с радостью и стоном,
чтоб зёрна, привезённые с полей,
разбить в муку
и хлебным благодушьем
насытить
ненасытный дух людей.

И ветер был почтителен –
он плавно,
как в хороводе, мельницу кружил.
Далёкий ветер,
ветер давний...

Теперь метель.
Теперь снега.
Теперь
она стоит до пояса в сугробе
и бьётся на петле
расщепленная дверь.

Заклиненные крылья недвижимы,
их перья вырваны,
в них бьют со всех сторон
стальные снежные
пружины.

И в щели между брёвен,
в гниль пазов,
на жернов лопнувший
летит мука... из снежных облаков.

Насмешки горше нет
для мельницы,
кормившей целый свет.

Вот так она стоит, согнувшись
у вершины,
и смотрит вниз,
а там
через метель
по чёрному шоссе
муку везут
машины.

ЭТОТ ДЕНЬ

В берёзовой бледно-зелёной прозрачности –
прокрики дятла.
Равнодушный голос кукушки вдали.
Звон, бормотанье, трель, посвист всей лесной мелочи.
Грустный, отрешённый перелив иволги.
Таинственное, непонятно откуда летящее,
завыванье бекаса.
В овраге, у ручья, где остро и душно пахнет
потревоженная крапива –
мохнатое гуденье шерстяных шмелей.
Вечером
сквозь дурманные облака черёмухи –
металлический рык и скрежет лягушек, до краёв
наполняющий
долину.
Солнце скатилось.
Небо совсем светлое и высокое с ненужной луной
посредине,
и под луной
над густой зеленью овса –
по-дневному захлёбистые и самозабвенные
жаворонки.
Тут же, у края поля, в ольховнике, в приречных кущах
уже зацокали,
зачмокали,
забулькали,
затрещали,
засосали
соловьи.

СРЕТЕНЬЕ

«Ворочалась надясь от обедни,
ластил сердце блаженный елей:
синтетицкий исподник намедни
подарил мне внучонок Сергей.

Так-то тепло и для ишаасу
очень даже полезна синте...
не умолвишь.
Ну, доброго часу!
Матерь Божья, Иисусе Христе!»

Было Сретенье. Птахи свистали
да коровы скучали в хлевах,
да сырые сосульки свисали,
и дымился по закутям прах.

А над маковкой Божьего храма,
за сплетением голых ветвей,
небо надвое трассой разламывал
сын дочернин, внучонок Сергей.

* * *

Стать дурочкой,
полнеющей от долгих поцелуев,
есть сладости,
пить лёгкое вино,
день путать с ночью,
радость кожей чують
и видеть явь, как продолжение снов.

Проснуться в полдень,
скомкать одеяло,
и яблоком заев влюблённый взгляд,
подумать, что и многих взглядов мало,
когда глаза влюблённые глядят.

А в полночь
лунный луч поймать ладонью,
продрогнуть, утомлённой и нагой,
и в волосы закутаться спросонья,
и узкий туфель отыскать ногой.

Жить радостно,
жить чувственно,
чтоб губы,
чтоб груди и глаза здоровьем зацвели...

Пусть это грубо.
Только словом грубым
не называйте радости земли.

* * *

В эту ночь, что черна и бела,
для тебя одеяньем была
тьма и тишь,
и тугие браслеты
из зелёного лунного света,
узкий плат
весь из прорезей лунных,
да волос молчаливые струны,
да по звёздочке синей в ушах...

Ты всё это сняла, не спеша.

Но запомнились
только браслеты.
Где нашла,
потеряла их
где ты?

* * *

Весь день был снегопад.
Горел костёр.
Смешалось шуршанье снега с шёпотом огня.
Смешались наши взгляды,
и смещались
круги судеб
к тебе и от меня.

Ломились ветви.
Густо пахла хвоя.
Весенняя тоска была остра.
И руки, прорастая, как побеги,
тепла искали,
но не у костра...

Последний снег
и первый день весенний,
и тонкий звон невидимых синиц,
и капли, с лап заснеженных свисая,
касаются то рук,
то губ,
то лиц...

* * *

Не берегут любимых,
не щадят.
Всю тяжесть — им,
и все несчастья — им.
Во времена любви
среди счастливых дат
их душат горем пасмурным своим.

Любимых мучат,
жучат день и ночь —
любовный пыл безжалостен и лют.
И чем счастливей любят,
тем жесточе
терзают злом
и тяжестью гнетут.

* * *

Забыл слова, забыл напев я,
забыл и голос, и наряд.
И только древние деревья
обличье давнее хранят.

И оказавшись у стволов их,
как бы во сне опять живу
напевом, обликом и словом,
что здесь звучали наяву.

* * *

Нет, это не для слуха,
не для зренья.
Лишь сердце чувствует, сдерживая страх:
пружиной ржавой
выпирает время,
не помещаясь в сломанных часах...

Слова не умещаются в сознании –
смысл раздирает одеяние слов...
Всё вперекос.
Какое наказание,
когда беда срывает с бед засов!

И сворою в распахнутые створы
кидаются вся горечь и вся боль,
и жизнь – пустяк в круженье этой своры,
и на губах – одна морская соль.

И сломаны часы, как память об утрате...
И сердце больше не желает жить.
Но всё же
под разбитым циферблатом
ещё пружинка слабая дрожит.

* * *

На пашне – яблонь лепестки,
на первозданных комьях – чудо.
Прощальный взмах твоей руки –
весны последняя причуда.

Всё возвращается к земле,
к её пластам животворящим.
От давних вёсен разомлев,
мы лепестки по пашне тащим.

Отставший от костра огонь
отходит к теплоте вчерашней.
И вот уже твоя ладонь –
как лепесток за свежей пашней.

* * *

В берёзах
свежим нахлестом —
зелёная метель —
ворота влажных веток
срываются с петель!

В пролёт — навывлет лихо
бьёт ливень листья влёт.
И кожа от почек
жуками в синь плывет.

И прядь волос,
как молния —
через лицо стрелой,
и губы,
как зарницы,
сулят весенний зной.

Зелёными сугробами
всю рощу замело.

Когда всё это было?
Куда это ушло?

ИНОГДА

Иногда
среди житейщины, растянувшейся на месяцы,
задёрганный и загруженный всепоглощающими мелочами,
бежишь куда-то по какому-то нуднейшему поводу
и тут,
будто некий чудодей вставляет тебе новые глаза,
и ты, словно впервые,
видишь
эти странные каменные и стеклянные плоскости,
поднятые к яркому небу;
блестящие, непонятно как передвигающиеся
по накатанным поверхностям штуки;
удивительных существ, идущих навстречу,
плавно и точно несущих свои замечательные тела
и головы, и глаза,
в которых угадывается
неведомый мир;
видишь ослепительный шар, висящий в синеве,
чувствуешь тепло, исходящее от него,
свет, отражённый в мириадах зелёных чешуек,
унизавших кривые
и корявые стебли каких-то странных растений.

Ты не знаешь,
как всё это называется,
ты увидел этот мир в первый раз,
увидел новыми глазами,
увидел без слов
и удивился ему.

И захотелось проникнуть в него, пожить в нём,
научиться его словам,
понять его немыслимую гармонию...

Но чудодей отбирает у тебя ведовские глаза.

И ты вспоминаешь о нудном поводе,
по которому надо куда-то спешить под едким
бензиным солнцем,
мимо этих примелькавшихся домов,
автомобилей, прохожих и пыльных деревьев.

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО

В пустоту старости и безразличия
падаешь,
когда обращаются к тебе – не к человеку,
а к «должностному лицу».
Обращаются, обычно путая имя, отчество,
глядя на тебя, но ни одной твоей чёточки не увидев,
голоса не расслушав.
И в этот миг ты ощущаешь себя
«должностным лицом»,
ты понимаешь: у тебя нет лица, нет имени, нет голоса,
нет глаз,
ибо «должностное лицо» безлико,
от него не требуется лица,
от него ждут подписи под бумагой,
либо разрешения на чью-то подпись,
либо звонка по телефону,
либо справки...

Да и зачем тут лицо?
Всё делает должность, которую занимаешь,
место,
на котором сидишь.
Исполнять дело здесь мог бы и другой человек,
и третий,
и пятый, и десятый...
И к ним точно так же приходили бы посетители
и знакомым тебе жестом протягивали бумагу с графой
«подпись» или излагали бы просьбу,
глядя пустым взором в пустоту.

Всё это мог бы делать
электронный автомат,
и никто не заметил бы, что тебя заменили автоматом —
поднимали бы трубку и,
неразборчиво пробурчав нечто вроде приветствия,
излагали бы свою просьбу
и тут же получали бы (или не получали) подпись.

Как страшна эта пустота!
Как ужасно ощущать себя
безликим, безымянным «должностным лицом»,
занимающим место,
на котором кто-то был до тебя и кто-то будет
после тебя,
и сам ты
не более чем «кто-то», имярек, оставляющий
росчерк под бумагой...
Как тоскует сердце
от безнадёжного ожидания,
что вдруг войдёт человек
и спросит тебя о тебе,
просто о тебе,
ни за чем,
спросит от души
тебя о тебе,
спросит для себя, а не для того,
чтобы ускорить получение подписи.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Открываю окно
и выпускаю
первый снег.
Он ложится на стол, на бумаги.
На зелёном сукне канцелярском
ранний снег, как на мёрзлой траве.
Я смотрю – он съедает чернила,
он печати сусолит –
От «входящих» и «исходящих» номеров
остаются набухшие кляксы...
Всё погибло, теперь ничего не понять!
Лишь одно мне понятно:
сейчас
первый снег.
Я выпускаю его, разбросавши замазку,
проклейку
и вату – всё, что сделано для утепления
рамы.
Первый снег,
снег сырой и стремительный,
входит он в надоевшую комнату эту,
где плоская плесень оплела потолок,
чтоб напомнить мне: осень в разгаре!
Чтоб напомнить: мир снега огромен,
и работа его велика –
всё засыпать: квадраты полей непомерных
и вот это убогое поле стола.

Я впускаю его –
пусть побудет,
пусть расскажет он мне о просторе
и о ветре, и о непогоде,
и о сумерках долгих осенних,
за которыми
стынет зима.

ИЗВЕСТНОСТЬ

На виду у ста миллионов,
привычно глядя в глаз телекамеры,
демонстрировать свою скромность.
Сказать в микрофон
с простотой и сердечностью
несколько тщательно выученных фраз.
Очаровать зрителей улыбкой,
отрепетированной перед зеркалом.
Истово облобызаться со знаменитостью
(если представится случай)
и тем показать,
что ты – не меньшая знаменитость.

Экстравагантно или подчеркнуто просто одетым
пройтись по улице,
устремив глаза ни в кого,
но, зная, что на тебя направлены взоры всех.

Появившись в кругу незнакомых знакомцев,
показать, что ты примерный муж или любящая жена.

Заранее зная, что все заметят,
погладить ребёнка,
поклониться в ответ на поклон швейцара,
подарить стюардессе преподнесённые тебе цветы.

Покровительственно целовать в голову
тех, кто менее известен, чем ты,
но может быть тебе полезен.

Шумно напоказ лобызать при встрече себе равных.
Разговаривать со знакомыми так,
чтоб вокруг сразу вырастала кучка любопытных.

Всё это надо делать легко и непринуждённо.

И ещё.

Для утверждения своей оригинальности
нужно овладеть чем-то таким.
Научиться блестяще играть на бильярде
или надеть расклёшенные брюки,
когда все ещё носят мини-юбку,
курить гаванские сигары
или приобрести экзотический перстень...

Таков краткий перечень
того, что надо уметь
и что умеет делать
всякий мало-мальски известный человек.

* * *

Убеждали творца-современника люди:
«Подожди,
вот придут времена,
тебя примем,
полюбим,
наградим
и уважим,
и памятник даже поставим,
о заслугах расскажем,
издадим твои книги,
картины раскупим,
портреты развесим.
Признание и слава грядут –
подожди,
торопиться не надо,
подожди лишь до собственной
смерти!»

* * *

Разве что-нибудь значит,
о чём говорить?
Лишь бы голос услышать,
один только голос...
Дрогнул голос, как волос,
как тонкая нить —
и стекло расстояний тотчас раскололось.

Будто губы коснулись,
как будто ладонь...
И не провод,
а просто вот здесь, где-то рядом...
Тёплый воздух призывно и трепетно тронь —
и пронизет
пронзительно-нежным разрядом.

...А о чем говорили,
не помню, забыл.
От рассеянных слов и не ждут урожая.
Только голос
знакомыми взмахами крыл,
расстоянья сломав,
нас с тобою сближает.

* * *

Всё глубже погружаюсь в годы,
всё ближе илистое дно...
Там, где ни ходу нет, ни броду,
мне тоже илом стать дано.

Не оттого, что сердце ропщет,
не потому, что свет не мил,
я просто по судьбе всеобщей
вольюсь в первоосновный ил.

Осяду медленной частицей
во тьмы таких, как я, частиц,
и даже всплеска не случится
меж безднами сердец и лиц.

Уйду в безвременность пластовый,
где средь сгоревших душ и дел –
пределы круговертей крови
и беспредельностей предел.

ТЁТКИН САД

Доверчиво домашние деревья
столпились перед тёткиным двором.
Деревьям
деревянная деревня
всю жизнь даёт,
а мы
всю жизнь берём.

Но яблоки и вишенья, и дули –
не выдача отдачи от удач.
Деревья к дому радостно прильнули,
платя сверх мер и не желая сдач.

Они, как тётка, в щедрости упорны,
и в них – она,
их сад в одно связал –
не разобрать, где руки, а где корни,
где ягоды, а где её глаза.

ПАМЯТНИК ПОЭТУ

За белым камнем –
выгиб речки, поле
и всходы худосочного овса,
и лес в весенней северной юдоли
зелёными огнями занялся.

И в вечных красках
вечных смен природы,
и в птичьих песнопеньях в вышине –
свист поезда,
ни с чем другим не сходный,
стальным хлыстом хлестнувший по весне...

А ниже, ниже
на шоссе –
машины.
Кичливый лак
и никелевый блеск,
и чьи-то лица в суете мушиной,
и славы чьей-то
выспренный бурлеск.

Но здесь,
на взгорье,
только белый камень.
Ни славы, ни бесславья.
Он, как жизнь.

Он есть.
Чтоб вместо волн —
веками
плескалось Время
у его крутизн.

* * *

Он там сидит —
меж голубей,
среди колясок детских
и пенсионеров.
Согбен, нахохлен,
весь в своей судьбе.
Нет пенсий, нет детей,
нет мира и нет меры.

Весна, зима ли —
всё ему одно.
Снег на плече
иль пыль от лип — едино.
Он дна достиг,
сломал судьбу о дно,
и сам остался в сумрачных глубинах.

Туда теперь едва ли заглянуть.
Пласты времён над головой сомкнулись.
И новые пути его давнишний путь
крутыми колеями отчеркнули.

Он в вечной славе,
в праздничной чести.
Привычно всё —
от слов его до позы.
Но как ему теперь
себя спасти
от славы, почитания и бронзы?

* * *

Славьте мёртвых!
Заслуги их превозносите,
восхваляйте их скромность, их веру и взгляд.
Что сегодня не годно –
отсейте в своём историческом сите,
что годится –
из бездны забвенья верните назад.

Выбирайте цитаты, желаньям живых угождая,
афоризмы ищите, что годны на все времена.
Есть в творениях мёртвых
струя бесконечно-живая,
есть в оркестре усопших
звучащая вечно струна.

В их садах тяжелеют плоды,
в их стадах бродят тучные агнцы,
в книгах собраны соки извечных наук,
под знамёна их снова и снова идут новобранцы,
драгоценным вином переполнен их старый бурдюк.

Отрастает у них
всем доступное дойное вымя.
«Нет» не скажут они,
значит, есть только «да».
Есть у мёртвых одно преимущество перед живыми:
и к хуле,
и к хвале
равнодушны они навсегда.

* * *

Сжечь рукопись!
Не дать профессорам
над гением глумиться после смерти!

Измерьте непотребство их и срам,
Бесстыдство их учёное измерьте!

Возьмите жухлый перечень трудов,
послушайте, как зазвучит бесчестно
слюнявое сюсюканье их ртов
там,
где одно молчание
уместно.

Счета, записки, мелочь соберут,
клозетные листки занумеруют,
чтоб нацепить за канцелярский труд
звонящих званий выпретенную сбрую.

Свои способности и свой убогий лоб
так изукрасят славою чужою,
как будто гении, хвалимые взахлёб,
лишь из-за них теперь чего-то стоят...

И разделив классический пирог
пером из лучшей золочёной стали,
не Пушкин, не Есенин и не Блок –
профессор Имярек стоит на пьедестале!

ОСЫ

На яблоках,
около мёда,
на липких натёках варенья
полосатеют тощие осы.
Им – последнее объеденье,
а нам грусть –
это осень.

Осы –
острые злые шипы
на розах арбузов.
Осы –
цепкие ости
на пряных ковригах.
Не мёдом единым
обильное время огрузло,
есть в нём жало и желчь,
есть мучение сладкого мига.

Не прогнать, не изгнать, не избыть, не избавить
от ярма этой ярости жёлтополосой...
Чуть потянешься к мёду,
к невинной забаве –
руку ранят
осколками острыми
осы.

СРЕДИ ВЕЩЕЙ

Здесь живут люди, любящие вещи.
На всём, что их окружает,
незримо, но броско написано:
«Вещи – смысл бытия».

Вот их дом.
Фасад отделан дубом, как величественный гардероб –
панель к панели, аккуратно, добротно
от нижнего до двенадцатого этажа.
Окна зеркального стекла непроницаемы для взгляда.
Подъезд,
словно полированный шкаф.
Ручка двери сияет начищенной литой латунью –
к ней боязно прикоснуться
(не остался бы след от руки).
Лестница
настоящего тёсаного камня.
Дверь в квартиру –
шедевр краснодеревщика:
взглянешь и, не открывая, видишь, какие, за ней
просторные
удобные квадратные комнаты, какие, дорогие вещи.

А вот и человек.
Светло-серый летний костюм,
только что от портного.
Человек садится в светло-серую новенькую машину.
Хлопает дверца.
Человек сливается с автомобилем.

Сквозь стерильную прозрачность ветрового стекла
видно лицо –
абсолютно спокойное,
абсолютно правильное
с уверенными узкими губами,
светло-серыми (под цвет костюма и машины)
глазами.

Мягко включается мотор.
Машина старательно объезжает меня...

И на миг
я встречаюсь взглядом с её фарами,
а затем с глазами её владельца.
В зеркале рефлекторов и в его глазах
я вижу отделанный дубом дом, подъезд, дверь,
квартиру – всё, что любит этот человек,
всё, что есть у него.

Он объезжает меня,
как объезжают столб или дерево.

ТАИНСТВО ПЛОТИ

...Есть таинство плоти,
которое смутно начнёшь постигать
по прошествии лет.
Все таинства прочие
просто обрыцете и обретёте,
а это
есть таинство таинств,
а это —
наитье, открытье
в себе, в неподвластных глубинах
неведомых сфер и планет.

Вселенная в теле твоём.
И чело не возвышенной чресел.

Вдруг сумрачно, сонно забрезжит однажды,
как будто сквозь ночь,
сквозь пространство,
призыв от далеких светил —
и ты,
иссушенный заклатьем неведомой жажды,
бросаешься в поиск,
влекомый бореньем взбесившихся сил.

Всё прошлое —
то, что изведаль, что стало знакомо,
не в счёт —
стёрто,
смято, разбито...

Встаёт пред тобой
первозданным бесформенным комом
незнакомое, новое...
Что? Непонятно.
Распев ли, расцвет, иль разбой...

Что-то новое
в год,
когда всё под луною не ново.
Что-то светлое
в час,
когда сумерки выпьют окно.

Постигается смысл
не сквозь мысль или слово,
а чрез плоть,
где не слово —
одно лишь присловье дано.

В этих придыхах,
вздохах,
в неистовстве и бормотанье
вдруг
отверзлись глубины,
открылись наречия недр.
Ты неведомый мир
обретаешь в братаньи
с первозданной природой,
где миг,
как столетие,
щедр.

«Приходите». –
«Когда?» –
«Не скажу и не знаю».
«Распознайте». –
«Но как?» –
Никому не понять.

Это таинство плоти
протяжно взывает,
сквозь моря и миры
пронизав каждый миг
и позыв,
и познание,
и каждую пядь.

ЧАСЫ ВЕСНЫ

Пружины трав заведены
тревожно и упруго.
Спешат вперёд
часы весны,
часы полей и плуга,
часы зачатий и начал
людей, зверей и злаков...
Часы, где я не отличал
полдневный свет от мрака.
Где жизнь вбирала целый век,
вмещаась в одночасье.
И лес
качало, как ковчег,
весеннее ненастье.
Тревожный сумрак наставал,
и в поросли смятенной
меня
дорогою начал
влачило по вселенной.

* * *

С палочкой-копалочкой
сохлый старичок
через рощу галочью
поволокся в лог.

Волчье лыко, жимолость,
горькие грибы...
Набралось ли, выбралось
у конца судьбы...

Серьги бересклетовы
и уста рябин –
песнями пропетыми
на краю годин.

Палочка откинулась,
ветер поднялся.
Скрылась жизнь, как жимолость,
в тёмные леса.

* * *

Как мы хохотали!
Ни с чего, ни над чем.
Как избушка смеялась,
как печку смешило,
как улыбки и отсветы бились у стен –
всё кружилось и пело от праздничной силы.

Волосами, как пламенем, взгляд заслоня,
в землянике лесной,
в горьком духе полынном
ты вставала – сплетенье теней и огня –
и сквозь пальцы текла терпким дымом.

Головешки стреляли навывлет сквозь нас –
мы легки и прозрачны, как запахи луга.

И по искре сырой загорелось у глаз.
Вот и всё.
Завтра мы потеряем друг друга.

* * *

В нелёгкой жизни
надо жить легко.
В безрадостном
всегда сквозится радость.
Есть ночь,
есть мрак,
но лунным молоком
вся тьма до звёзд далёких
пропиталась.

Ты видел, как в июне снег сверкал,
и думал:
свет лучат одни лишь льдины.
Но умудренно-светлая рука
к тебе прижалась шеей лебединой.

Казалось,
красен только блик зари,
отчёркнутый Полярным кругом,
и вдруг
у губ обветренных твоих
зардели неожиданные губы.

И там, где застыл тусклый небосклон
худые лапы лиственниц Таймыра,
почудится
волос далёких звон,
копной, прикрывших половину мира.

Не давят днища тяжких облаков,
коль можно где-то, у другого края
пить лунное
парное молоко,
рассветных губ
от губ не отрывая.

* * *

Этот звонкий золочёный волосок,
эту нить луча сквозного
подари,
когда сонно
к солнцу тянется восток,
когда мне
и на заре не до зари.

Протяну его по редким облакам,
через иглы старых ёлок просквожу,
привяжу конец
к потерянным следам,
чтоб о найденном запомнить,
привяжу.

* * *

Я боюсь поездов.
Этот крик тормозного железа
проникает сквозь сердце
и горечью губы кривит.

Жизнь разрезана,
город твой – напрочь отрезан,
ты отрезана –
рельсы уходят в зенит.

Но когда лапы лиственниц
осень проржавит
и осинник осыплют фольга и слюда,
когда дождь,
припадая к окну,
в сотнях капель тебя отражает,
я люблю,
я люблю,
я люблю поезда!

СТАТЬ НАЧАЛОМ

Стать началом —
желание женщины
и всех остальных, кто причастен к ремеслу
и художеству,
сущим в мире
издревле и днесь, и вовеки!

Счастлив, ставший началом,
чей ребёнок
закричал в трудный час,
чью ладонь
отягчило зерно при посеве и жатве,
кто краски находит,
в которых — рождение целого мира
и чье имя становится именем новой вселенной,
кто пускает станок
и режет, шлифует и точит
винт один тот же самый в бесконечном повторе,
винт один тот же самый —
день и ночь, и неделю, и месяц, и годы,
винт один тот же самый,
на котором
стоит
Индустрия.

Воистину счастлив
тот,
кто смог стать началом!

Но никто никогда
ни в искусстве, ни в ремёслах,
ни в мысли
не изведает радости женщины,
приобщённой к началу начал,
к тому крику в утренний час,
от которого тянется счёт всех веков
человечества,
к тому лику,
где пращура облик и родительские черты
растворены в незнакомом и новом лице,
к первому слову – истоку всех языков,
к первому шагу грядущего поколения
по дороге
в будущий мир.

Стать началом!

* * *

Водорослей принесу и листьев,
окна занавешу старой сетью.
Ломкий гул волны,
как дальний выстрел,
будет в дом входить
лишь раз в столетье.

Раз в сто лет —
чтоб не забыть про время...
А между ударами волны
пусть в печи сосновые корни
нам поют из гулкой тишины.

Их тепло не может быть теплее
наших рук
и наших губ,
и глаз.
Мы хотим, чтоб огненные змеи
дымным взглядом
холодили нас.

Чтобы ёлок смоляные плети
шишками стучали в нашу дверь,
и волна,
как выстрел,
раз в столетье
отделяла «было»
от «теперь».

* * *

В этом городке
живёт воспоминанье,
тихо и невидимо живёт,
тайно расцветает
и по тайне
тайный след таинственно плетёт.

Челноками солнца,
лунной пряжей
ткёт оно по памяти узор,
и никто не заподозрит даже,
сколько зорь
и сколько лун прошло с тех пор.

Это было, было это, было!
Зори, луны, время...
но легка
памяти работа –
засветила
уголок бывшего
искрой уголька.

Ты не раздувал бы это пламя –
пепел облаком влетит в глаза...

И висит за синими лесами
прошрое, как дальняя гроза.

* * *

Узор досок убог и сер.
Калитка открывалась в бездну.
И пением небесных сфер
был ржавых петель скрип железный.

Открыл, и сапоги ступают
на синь, что налита в долинах.
И взгляд летит, скользнув по краю,
за взмах тайги, за горный вымах...

Так начинается день искатель,
Он отпирает родники
и наблюдает, как из капель
родится полотно реки.

Руками в ссадинах и глине
он раздвигает створы скал –
узнать, как в каменной пучине
цветёт и зреет минерал.

Он мёрзнет в медленном тумане,
он жгучий луч отодвигает,
а там, в долине, в синем чане,
смолистый полдень закипает...

И далеко поёт калитка
о всех, кто ищет и искал,
чей след над зыбкой бездной выткан
и врезан в древний камень скал.

КРАСКИ СЕВЕРА

КРАСКИ СЕВЕРА

Краски Севера:
свинцовые белила,
цинковая злая синева,
пласт зари, откованный из меди,
плёс реки, как бурый мех медведя.

На палитре тундры и тайги
ветер их берёт и грубой кистью
смешивает, скручивает, мнёт,
превращает в камень, снег и лёд.
И на холст без меры и без края,
разъярясь, безжалостно
швыряет.
Холст развернут ввысь
и брошен вдаль.
Теплоход – лишь малая деталь.

Так рождается из порывов
шквальных
живопись
для северных штурвальных.

КОЕ-ЧТО ОБ ИСТИНЕ

Повторяют прописи
дети и студенты,
пропись многословная –
удел профессоров.
Истины расхожие,
на манер цемента,
заполняют полости сердца и голов.

В путанице жизни,
в этом спорном мире
всё же есть
бесспорное до конца годин:
что-то есть такое, как « $2 \times 2 = 4$ »,
как «автомобили кушают бензин».

Вечна и незыблема
мудрость прописная,
всюду всеми признана,
везде утверждена.
Еву и Адама
Бог не выгнал бы из рая,
если б ограждала их
прописей стена.

«Дважды два – четыре»,
соблюдайте свято,
вознесёт вас этот принцип до небес.
Мудрствуйте, лукавьте,
разрушайте атом,
но не нарушайте прописных словес.

* * *

Ещё вокруг дерева голы,
и только у кривой ветлы
с голодным гудом выются пчёлы,
от пуха жёлтого желты.

Они от долгой спячки вялы,
от зимних сумерков тощи.
Их тёплый ветер набок валит
и хочет в небо утащить.

Их проняло мохнатым солнцем
и пряным паром проняло,
и с дребезжаньем, и с трезвонцем
они покинули село.

Их крылья слюдяные слабы,
но хоботки уже остры
и целят к вёслам, что за садом
дымят, как жёлтые костры.

* * *

Через июльские покровы,
сквозь пар стихающей земли,
раскормленные, как коровы,
по саду яблони брели.

Они медлительно вздыхали,
дневные яства съев сполна,
и яблоки траву цепляли,
крутые, словно вымена.

Под брюхо тёплое улягусь,
где бок ствола шершав и груб,
чтоб видеть,
как в соседний август
стекает мёд с зелёных губ.

БАКЕНЫ

Сняты бакены,
сбиты дороги реки.
С берегов
сдёрнут полог далёких дождей.
Ставит осень
свои ледяные замки
на Тунгуски,
на Диксон,
на весь Енисей.

Из тяжёлых и мглистых
пластовищ растут облака,
обмакнувшие лица в смолу.
Тёмен день.
Тускло глядя
глазами кают,
теплоходы
вмерзают
в затонную мглу.

Но в слепом бездорожье
бездонных снегов
тихо крутится вёсен далёких
клубок,
и припрятаны бакены
в снежный покров,
и живёт где-то
бакенщик –
сторож дорог.

ВЕСНА*Ивану Тройнову*

На деревянных дудочках,
на жалобных жалейках,
на свистульках,
едва заря затлеет грудкой снегириной,
начнёт дудеть,
начнёт свистеть и булькать
вся птичья мелочь
в просини осинной.

Тут беззаботность зябликов
и суетность синичья,
и пеночкино теньканье тугое...
Из пустяков растёт весны обличье,
до облаков касаясь головою.

Великое гнездовище природы
свивается от зорь до гулкой ночи –
реками, разбурунившими воды,
руками, разрыхляющими почвы.

Но даже там, среди светил парящих,
между созвездий чёкани старинной,
слышна свистулька зябликов озябших,
видна окраска грудки снегириной.

МОРЕ ЛАПТЕВЫХ

Мокрым лаптем шибануло
море Лаптевых,
по скуле задело, то ли по губе...
Причитанья на потом оставьте вы –
вон как ветер с океана задубел!

Перво-наперво
всё убирайте с палубы –
слижет разом, что корова языком:
бочек нет и шлюпки нет,
а вместо поручней –
хоть в утиль сдавай –
железный лом.

Эх, и моет же,
и треплет же,
и хлещет же,
и стреляет в лоб солёная картечь!
Это чудо, если смирно вещь лежит,
это диво, если трюм не тронет течь!

Заклубилось,
задымилось,
заволочилось,
завилося повиликой снеговой,
крупным прошивом всё небо перестрочено
и овчинкою висит над головой!

Эх, пройти б на нашем лапте
море Лаптевых!
Что, погодка, видно, вам не по нутру?
Вот вам снежные заряды –
вы облапьте их,
подержитесь-ко за ветер на ветру!

* * *

Это свечение моря.
Так странно –
из-под кормы голубым фонарём.
И за бортами глаза океана
тьму прожигают зелёным огнём.
В чёрной глуби остеклевшей равнины
огненным шаром прошаркнет дельфин,
и просверкает за ходом дельфиньим
синее пламя охотских пучин.
Где-то за мачтой повисли светила...
Им ли сманить разбежавшийся взор?
Море глубины свои превратило
в космос, где невидаль смотрит в упор.
Брызги созвездий морских,
клубы света –
Млечным Путём по пути корабля.
Там и земное подобие где-то –
искра с названием знакомым Земля...
Бросишь картошку иль голову рыбу –
вспыхнет,
расцветится яркой фольгой.
Мятым ведром клинья молнии выбью,
вытяну молнию вместе с водой.
Палубу призрачным светом намылю,
шваброй сиянье сгребу с чешуей...
Пламя вселенной
пронижет навывлет
небо и море,
и сердце моё.

* * *

Завешены дали дымком диковатым.
Сырые следы до костра добежали.
Облиты росой и дымом объаты,
согрелись ладони, а плечи дрожали.

И пламя гудело нам в самое ухо,
и волны катали гремящие камни.
И рядом была только наша присуха,
пропахшая кедрами и родниками.

Гремел котелок, и шипели уголья,
и сладкие клубни саранок желтели...
Всё помнится, видится с радостной болью
сквозь время,
сквозь лохмы насупленных елей.

Кедровые шишки, печёные в углях.
Раскидистый запах смолы и ореха
в твоих волосах,
на щеках твоих смуглых
и в праздничной тайне вечернего смеха.

* * *

На Север,
к полотнищам тундры,
к горловинам тревожных раскидистых рек,
где фонарик на мачте,
далёкий и смутный,
золотинкой дрожит
в предрассветном скупом серебре!

Сердце тянется к скудости дальних
просторов,
сердце учится строгости,
мудрой и трудной,
там, где терпкий багульник,
и трепетные озёра,
и жарки, как пожары,
мятутся над тундрой.

В синих далях и долах,
проколотых острой осокой,
меж оленьих следов,
среди обточенных рыб и задумчивых птиц,
глаз
вбирает и медленно копит до срока
красоту
без начала,
без дна
и границ.

Так всегда.
Этот Север,
пронизанный резкою синькой,
манит сердце и глаз
и зовёт, и таит свою хмурь,
свою хмарь...
И дрожит
в серебре предрассветном
тугой золотишкой
позабытый на мачте
далёкий фонарь.

* * *

Сибирь в снегах патлатых
и в кудлатых,
крутых,
кручёных,
крохких куржаках.
Здесь у мороза крепкий дымный запах,
а дым
дровами мёрзлыми пропах.

По городу, по тундре, по тайге ли
идёшь, закухлен в пухлую кухлянь,
и жгучий воздух,
точно жидкий гелий,
сжигает обожжённую гортань.

В безветренном,
звнящем этом мире
запаянный в сквозную глыбу льда,
сверлю дороги сквозь стекло Сибири
плечом,
дыханьем
и теплом труда.

ВЛАДИВОСТОК

Протрубят туманы в Золотой Рог,
проревёт сирены белый бык,
океан раскроет веер всех дорог –
уходи сквозь ветер
напрямик!
На зелёных кручах
город чист и крут,
выгнут, словно парус, возле бухт,
флагами стреляет на густом ветру,
никакие бури город не берут.
С пирсов его длинных
да с высоких мачт
дальние пределы манят взор –
там вулкан Камчатки,
там Курил кедрач,
там чукотской тундры северный узор.
Королевским крабом – розовее роз
уползает солнце в глубину.
Тигровых саранок вечер в город нёс –
уронил в заливе на волну...

А когда жестокой хваткой штормовой
бури схватят город –
не робей!
Разрезай туманы,
рви за слоем слой
взмахом скал, домов
и кораблей!

* * *

Не доверяй
ни камню,
ни кустам.
Неверный шаг
им для того и нужен,
чтобы с песком и глиной пополам
ты был обвалом схвачен и завьюжен.

Корням и сучьям
жизнь не доверяй
и о предательстве хвои сосновой помни —
скользнет нога,
и пальцы схватят край...
И эхо бросит крик в каменоломни.

Надейся лишь на мышцы и глаза,
на мудрость ног
и тонкий разум тела.
Себя ты волей к скалам привязал,
и камень сдался,
и душа запела!

* * *

Кто видел, как выходят из-под снега
прошлогодние, забытые следы:
колеи от колёс телеги,
след сапог, полный вешней воды?

Сколько сил положили метели,
как отглаживали, как лизали наст,
но стереть следы не сумели,
напластовывая пласт на пласт!
Вся работа их весной насмарку –
снег становится тоньше слюды...
И шагают по припёкам жарким
прошлогодние,
забытые
следы.

* * *

На взлётном поле пахло морем –
шёл шквал дождя, турбины выли,
весь мир был наглухо затворен
тугой стеной из мокрой пыли.

Над сухопутным взлётным полем
сомкнулись серым сводом струи,
и океанское раздолье
в машины било, озоруя.

Оно в них проливень бросало,
и те,
как рыбины у камня,
прижавшись к аэровокзалу,
зашевелили плавниками.

И, морды вытянув по-щучьи,
пропарывались сквозь течение
туда, где каменные тучи
торчали тяжело в тёмной пене.

И в этом пресном океане,
укрывшись под намокшим клёном,
лишь ты таила на прощанье
у глаз две капельки солёных.

* * *

Радость первого снега!
Цветенье уснувших деревьев,
искры ягод рябины в ледяных зеркалах.

Ухожу по звенящей дороге,
по иглам, пронзающим лужи,
ступаю на снежную пряжу,
не знавшую
прях.

Скоро будет костёр,
густо вспыхнет береста,
и сырое сучьё засвистит, словно дрозд.

Приготовлю из хвои перину,
свалюсь в смоляную чащобу,
в кутерьму мельтешащих снежинок,
рябины и звёзд.

* * *

Аптекарский настой осеннего болота.
Лекарственные запахи полей.
Лишь горечь листьев
скрыта позолотой,
чтоб легче пить —
глотай и не болей.

Неси свой груз давнишней долгой боли
в прозрачную лечебницу
дубрав.
Листвою ли,
дресвою ли,
травой ли
начни лечение,
от лекарств устав.

Душа сама
нащупает на полках
и в ящиках сквозных лесных аптек
снадобья, и пилюли, и иголки —
всё, в чём спасенье ищет человек.

Здесь —
хирургия щеп и сучьев острых,
там —
терапия трав и облаков.
Бреди
и где-то на замшелых вёрстах
почувствуешь,
что ты совсем здоров.

* * *

На тонких ветках капель нанизь
дрожит и робко, и смятенно.
И капля каждая,
как завязь,
как почка будущей вселенной.

В ней небо с облаками тонет,
в ней травы, города и люди...
Всё спит, как лепестки в бутоне,
и ждёт, когда весна разбудит.

* * *

Река в холодной чешуе,
в наплывах туч
и в измороси тощей.
Буксир последний прошумел
и смолк в туманной толще.

Как тяжело он дышал,
как воду бил,
поранив о песок сырые плицы.
Он лето, словно баржу, утащил.
Река уснула,
и замолкли птицы.

* * *

Всё знаю: там руки и губы в малине,
берёзовый лист холодит лоб и плечи,
роса в волосах и в траве, точно иней,
у глаз светляки, словно синие свечи.

Я знаю: там душно в тумане поляны –
костры на щеках,
и под сердцем уголья,
и в каждом касанье, как в пламени прямом,
тревожная радость соседствует с болью.

Всё видел, всё знаю,
но снова ещё бы
пошёл, когда полночь уже на излёте,
послушать, как льёт тишина из чащобы
неслышную музыку
леса
и плоти.

* * *

Что за лакомство – боярышник!
Праздник
на пороге зим.
Подойди
и в гроздя алые
взгляд
и губы
погрузи!

Если сумерки –
он светится,
если солнышко –
горит.
Потаённая улыбка
сникших елей и раakit.

Ну,
раздвинь сырые заросли,
отрешись от всех невзгод –
вон как весело
боярышник
на пиры свои зовёт!

АПРЕЛЬ

Хрустит листва
в ладонях ломких почек,
скрипят ростки,
просаживая дёрн.
И каждый стебель
в май
пробиться хочет
и этим от апреля отрешён.

А надо ли?
Не замечать сегодня,
спешить сквозь дни,
не различая дней?
Ведь каждый миг —
И сходный,
и несходный,
в неповторимой радости своей.

Невозвратимость
каждого мгновенья!
Всё только раз.
Путь времени жесток.
И никогда
весенние корни
не гонят сквозь апрель
свой прошлогодний сок.

* * *

Тайга пахнёт пчелиным ядом
и мёдом падевым пахнёт,
и смутно стану
где-то рядом
искать янтарь тяжёлых сот...

И смутно колыхнётся радость,
что запахом твоих волос
до дна долина пропиталась,
и воздух праздничный пророс.

И там по осыпи горячей
к камням заросшего ручья
ты вышла из тревожной чащи
и растворяешься в лучах,
и льёшься воском разогретым,
и дымом убегаешь ввысь...

Зачем под пасмурным рассветом
пути и пальцы расплелись?

И вот теперь.
бреду без брода
через ручьи в разломах гор.
Дурман багульника и мёда
цветочной пылью застит взор.

* * *

Смыкаются невидимые двери,
и, кажется – их створки не разнять.
При расставании никогда не верю,
что позже мы увидимся опять.

Но где-то там, неожиданно и случайно
законы расстояний преступив,
ты возникаешь трепетно
и тайно,
звучишь опять как прерванный мотив.

Пытаюсь разгадать тебя,
пытаюсь
запомнить, чтоб всегда носить с собой.

Но снова створки строгие, сдвигаясь,
смыкаются бесшумно за спиной.

* * *

Поедем в город грибников,
насквозь покрашенный рябиной.
Там даже дети,
как грибы,
уютно спят
в больших корзинах.

И чтобы слаще им спалось,
кладут
в корзину
мох и листья
и выставляют на балкон,
и накрывают
синей высью.

А после,
улучив часок,
уходят в бор с домами рядом,
по-детски радуясь взхлёб
лесным нарядам
и наградам.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

То сиреневы,
то розовы,
то черней сырой коры,
то пером дикого селезня —
краски на крыле горы.

Раскрылился,
раскурился,
камни косо напластал,
встал над северной осокой
нелюдим,
нелюб,
непрошен,
нелюдимый,
нелюбимый
и непрошенный
Урал.

Что умеет он?
Лишь реки
лить из горных хрусталей,
да закрашивать их синью,
сдобрить йодом
и оплавить
в горне зорь
тугой оправой из крутых цветных камней.

Что имеет он?
Лишь ветры,
снег в извилистых морщинах,
бесприютные просторы,
льда оскал в седых морях.
И прядут,
и крутят тучи
на вершинах сорок прях.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Вечером, вкрадчив и тих,
дождь прошёлся по саду.
Худыми руками обшарил все листья,
расправил цветы и рассаду
и крапиву росинками выстелил.

Дрожащие, робкие
капли
слились в поволоку.
Свет от окна заблестел на стволах
и на ветках.
Дождь осмелел
и пошёл, как мальчишка,
с прискоком —
сад загонять
в водяную прозрачную клетку.

Разбуженный ветер
поднялся,
зевнул
и несмело ударил по струям дождя.
Вода изогнулась танцовщицей гибкой
и тихо запела,
между пальцев его пройдя.

Яблони, продрогшие от сырости,
отряхивались, как собаки,
и каждая травинка хотела вырасти
и так же с шумом на ветер
наскакивать.

Лишь в полночь
всё утомнилось
и улеглось,
завернувшись в туман.
Кто знает,
скажите на милость,
откуда взялся этот дождь,
этот ветер
и мокрые листья?
Как зародились они,
из каких семян?

* * *

От угля синих звёзд
не вспыхнули б вершины:
суха кора берёз
и душен дух полынный.

Тут серой и смолой
сосняк насквозь пропитан
и полуночный зной
прилип к поникшим пихтам.

В такую сушь и тишь,
и тёмную жарищу
от совьих глаз сгоришь,
и пепла не разыщут.

С опаскою бреду
сквозь ночь пороховую
и звёздную беду
над головою чую.

* * *

Весной всегда –
как будто всё сначала,
и за спиной не горбятся года,
и дудка птичья
только зазвучала,
чтоб не умолкнуть больше никогда.

И травы
первый раз пахнули соком,
в дожде
впервые
тополь растворён,
и на берёзах,
в мареве высоком –
грачиный голос
радостных времён.

И налегке,
в апрельский дым одетый,
иду,
вдыхая пряный пар и прель, –
купить себе зелёные билеты
на самолёт,
летащий
сквозь
апрель.

* * *

Звериные шкуры
висят на дубах,
дубильною жижей
подлесок пропах.
У осени фартук,
заляпанный кровью,
и ноги
обёрнуты в кожу воловью.
От сока ольхи
её пальцы красны,
и щёки
грубей, чем кора у сосны.
В руках её ветер
булатный, калёный –
чуть тронет,
пропорет
осины и клёны.
В оврагах лещинных,
по чащам, по рощам
осенние шкуры
дерёт и полощет –
в болоте медвежью,
на озере лисью,
нет беличьим счета –
они словно листья.
Проквасит,
проялит,
растянет жердями
и к небу прибьёт
ледяными гвоздями.

* * *

Мне дайте пеночку,
чтоб тенькала,
чтоб утром
в ушах стоял весенний звон,
чтоб лес,
предчувствуя брожение соков смутно,
все ветки побросал на дно небес.

Пусть на палатку пухом сядет иней,
и стрелы льда насквозь пробьют ручей.
Есть доброе тепло
в самой светлыни,
в рассветной россыпи
пернатых и лучей.

Снег жмётся, обходя бугры сторонкой,
и неприязнь к нему я не таю –
мне дайте пеночку,
чтоб тенькала,
чтоб тонко
тревожная весна
стучалась в грудь мою.

* * *

Развозит дороги,
разводит на заводах льды,
раздвигает снега,
разжигает цветы на проталинах,
пряным ветром
сбивает
гусей перелётных с воды,
обдирает с дубов
прошлогодную ржавь и окалину.

Так летит через синь,
так ползёт по протокам земли
и сквозит сквозь глаза
сквозняковая резкая свежесть...
Только дай ей намёк,
только место в душе посули —
без дорог,
без разбору
примчится к тебе,
выбьет окна
и сердце осколком порежет.

* * *

Городишко
просяно-овсяный
хлебным духом по крышу пропах,
и блестит
белизной берестяной,
и плывёт на сырых облаках.

Шепчет,
вытянув сохлые руки
постаревших своих тополей,
и трепещет в глубокой излуче,
словно тёплое сердце полей.

Диким гусям его не любить ли,
журавлям ли его не стеречь —
к камышам заболотным приникли
его крыши, где тенькает течь.

Просыпая овёс на булыжник,
голубям отсевая пшено,
городок,
не радея о ближних,
отдаёт им, что полем дано.

В берестяно-овсяной округе,
в нескудеюще скудных песках
он плывёт
старым дедовским стругом
на прошитых дождём облаках.

ОМУЛЬ

Как родилась эта жемчужина
в гудящей раковине Байкала?
Глубинам вод,
ветрам натруженным
её давно недоставало.
Они сговаривались
долго ли?..
Они искали форму с цветом...
Догадкою блеснули
омули, как трепетные самоцветы.

Но лишь потом, чрез многолетия,
чрез поиск, что глубин глубинней,
сложилось тонкое соцветие
из красок, запахов и линий.

Слились, в живую каплю собраны,
прозрачность бездн и благодать солнца,
лесных пространств четыре стороны
и водорослей волоконца.

Сомкнулись, сдвинулись, собрались
в веретене тугого тела –
смолистый дух кедровых зарослей,
дыханье земляники спелой,
и пряность пихты, и багульника
густая праздничная пряность...
И удивление ушкуйников
у сети на заре багряной.

* * *

Перепутье времён:
не зима, не осень.
Тучи круты,
день короток,
земли сыры.
Для людей на дорогах ветер несносен,
и деревья дрожат под накидкой коры.

И как домовито в неуютности этой
урчанье мотора
и гусениц гвалт!
И тракторист огонёк сигареты,
крупинку тепла, между губ зажал.

С маленькой верфи у речного затона
грохот кувалды,
скрип стального листа
отдаются в ушах
и в полях, ноябрём обожжённых,
и в гулких лесах.

Мир осенний.
В природе –
сонливость и вялость.
Только труд
своим ритмом живёт.
По прибрежным полям,
по холодной реке расплескались
звуки вечных забот и работ.

* * *

В полях – слюда и соль,
а на реке –
стекло.
Железный жжёный лист
на каменных деревьях.
Как будто жизнь ушла
и унесла тепло,
и увела людей в далёкое кочевье.

И только под слюдой,
где озимь замерла,
да в почках,
вмёрзших в каменные сучья,
чуть тлеют
светляки весеннего тепла,
и прячутся тревожные созвучья

* * *

Она спит в коляске.
Над ней мохнатится ель,
пришедшая сюда из давних времён.
По веткам, увешанным зелёными шкурами,
снуёт белка,
и кажется – это челнок, ткущий сон.
Весь лес в густом бархате сна.
И узелок,
на котором держится эта тихая ткань, –
лицо малышки:
щёчки зарозовели от сна,
солнца и прозрачной смолы,
пропитавшей воздух,
губки слегка вытягиваются,
ресницы чуть приметно вздрагивают,
пальчики сжимают перо зяблика,
упавшее в коляску.

Дитя человека
здесь – как порожденье вековой ели,
выпестованное белкой, зябликом,
лесом и небом.
Пока ничто не отдаляет его от них.

С дороги неподалёку –
гул невидимых машин,
сотрясающих смолистый воздух.
Но это уже другой мир,
к которому девочка, ель и белка
непричастны.

* * *

Беззвездие
и ночь, и дальний шум прибоя,
и мшарая тайга в непрогляди густой.
Иду на слух, и ты идёшь за мною,
и вместе нас ведёт
невидимый прибой.
И мы во тьме невидимы друг другу.
Кто ж нас позвал?
Кто нам в ночи пропел?
Кто вплёл в наш путь к увалам и яругам
неслышные шаги на моховой тропе?

Не знаю.
Только с нами кто-то третий.
Незримо он затеплился в тебе.
Судьба ли мне его с тобою встретить,
и нам втроём пробиться по судьбе?

Мы лишь вначале.
Берега Байкала
прозрачны, как сиреневая вязь.
Так долго небо светом набухало,
так сразу пасть от солнца занялась.
Теперь пригоршней в заводи укромной
черпни настой рассветного огня!

...Чего ж не пьёшь?
И дышишь так неровно,
и так прощально смотришь на меня.

ВЕШНЯЯ ТАЛОСТЬ

Старинным ключом отперла этот город,
вошла и впустила весеннюю сырость.
Вздыхнула – и лёд на реке перемолот,
и пар, как подснежник,
над площадью вырос.

Всю копоть и накипь сгоревших столетий
скользящей улыбкою с города смыла,
омыла капелью меня на рассвете
и пылкость мою сберегла от распыла.

Сберёгся у губ запах талости вешней,
у волглых волос привкус ветра и дыма.
И не было наших объятий безгрешней,
и нету любви, что как наша, ранима.

...Тот город остался давно и далёко,
но в чудо твоё не могу я не верить.
Я знаю: ты ждёшь невозможного срока –
опять отпереть его древние двери.

* * *

Птицы влетают в костёр через пламя,
скачут по сучьям, бездымно горящим.
Крыльев не сжёгши и ног не поранив,
кружат в осеннем пылании чащи.

Птицам дано во вселенском кострище
вспышки рябины расклёвывать с лёта
или разыскивать в огненной пище
угли калёных калин у болота.

Знаете? Лес разгорелся не просто.
Хочет он, чтобы в согласье с поверьем
ярко пылали хвосты горихвосток
и пламенели бы дятловы перья.

Птицы сумеют сквозь перевить ветра,
в день, когда рощи поблекнут по-вдовьи
вдаль унести по предзимнему свету
огненный отблеск осенних гнездовий.

* * *

Земля волнуется и хохлится,
холмится,
увалом налезает на увал,
и на дыбы встаёт
равнинная земля,
рожая в муках
свой Урал.

Судьба её трудна по-женски,
по-бабьи,
по-безмужнему трудна:
себя забыть
и для детей вселенских
все дни и думы отцедить до дна!

И там,
когда Урал уйдёт на запад,
один удел земле от века дан —
опять любить
и снова, корчась, плакать,
чтоб где-то на востоке
жил Саян.

* * *

Вечерние птицы к вечерним летят берегам,
над чёрными волнами тянутся
белой строкой.

Ни крыльев, ни клювов, ни взмахов —
лишь белые точки, и всё,
протянуты белые точки от моря
к далёким горам.

И я не могу прочитать той строки,
но я знаю — она
о чём-то спокойном — о гнёздах,
о тёплых птенцах,
о радости в срок возвратиться домой
и о том,
как прочно плечо заволоченных
дымкою гор,
как зыбки просторы холодного моря,
как путь
был грозен между континентами,
через вражду стихий океанских,
заполнивших ночи и дни.

И каждая птица видна
в той далекой строке,
и каждая птица, как слово — не будет её —
не станет строки,
удивительной светлой строки,
о чём-то спокойном — о гнёздах,
о тёплых птенцах,
о том, как не просто попасть к ним,
минуя простор.

* * *

Байкальский шторм
сплетён из облаков и мглы.
Свалился с гор
и разъярённо
мотает скользкие валы
на ледяные веретёна.

«Ребята, в рейс!» –
Коробятся плащи.
Скользит нога.
Дерёт с ладоней кожу.
Вихрь лупит в борт и в мачте верещит,
но удержать людей не может.

Из-за него вросла в штурвал рука,
на берегу приникли жёны к окнам,
и зло, наотмашь
хлещут по щекам
волос и туч промокшие волокна.

Скриплю зубами – бури плетъ остра.
Под небеса –
раскаты волн глухие.
И, словно сизым пламенем костра,
лицо опалено взорвавшейся стихией.

* * *

А тут ещё живёт густая тишина,
и теплятся лучи в смоле кедровых стланей,
и медная роса скользит бесшумно вниз
по колоколу лилий и саранок.

Не слышно птиц —
им гуца тишины
закрыла горло, склеила их перья.
Не слышно ветра —
чёрные гольцы
смирили ветер каменной ладонью.

Ручей молчит —
зарылся в крепкий мох,
увяз в траве,
ушёл в зелёный сумрак.

И озеро безмолвствует — оно
прозрачность бережёт,
незамутнённость,
таит и пестует своих неслышных рыб
и водорослей заросли живые,
и мысль о глубине и тишине.

Как хорошо, что есть лучи в смоле,
роса на лилиях и на саранках,
и чёрные гольцы,
и моховой ручей,
и озеро с его глубокой мыслью
о тишине.

* * *

По-зверьи уходить в леса
от электроники и шума,
бросаться в чашу
и бросать,
что пережил и передумал.

Искать побеги трав и древ,
в оскал костра смотреть из ночи,
где филин, на сосну взлетев,
свой символ жизни пробормочет.

Ковшом берестяным
черпнуть
воды со звёздной посолонкой
и наостриться в дальний путь,
деревни обходя стороной.

Но где-то на глухой версте
вдруг
мысль.
И примешься в сутемы
чертить углём на бересте
набросок электронной схемы.

ЧУМ

Это за Подкаменной Тунгуской,
где на острове песчаная коса.
Там ветра бормочут не по-русски,
на реку туманы побросав.

И стоит,
продравшись сквозь столетья,
вечность, как сову, прижав к плечу,
старше всех на этом старом свете,
из шестов и шкур мохнатый чум.

Где-то
строились и гибли пирамиды,
время камень смалывало в прах...
Здесь
дымок над чумом
так же руки вскидывал
меж просторов
на семи ветрах.

Из глубин времён и непогоды,
тающие,
как весенний лёд,
пусть
приходят и проходят теплоходы
и в динамиках мелодия поёт...

Чуму
всё равно.
На острове далёком,
иссечён ножами лозняков,
глазом костровым,
дымящим оком,
он,
не видя,
смотрит из веков.

ЛАВЧОНКА «СЕМЕНА»

Лавчонка «Семена» –
как ящик с семенами –
чуть слышен пряный запах всех семян.
В иные времена
я временами
за семечком мог разглядеть роман.

Брал зёрнышки,
как будущие судьбы,
держал в ладонях
всё
и ничего.
И как судьба свой ни вершила суд бы,
я верил справедливости его.

Вот я опять в лавчонке с семенами...
Темно и пыльно.
Притолоки низки.
И продавец молчит,
как будто между нами
легли века,
сменились языки.

Повсюду семена –
от пола и до крыши.
Смотрю, приникнув к ним и не дыша,
и всё ж не вижу ничего, не слышу...
То ль семена молчат,
то ли глуха душа?

* * *

Если б на стене все профили,
все тени,
контуры и росчерки
остались навсегда.
Если бы
их сумрачное тонкое сплетенье
можно было видеть
через дни,
через недели,
сквозь года.
Как проплыли б,
просквозили,
пролетели,
пронеслись по стенам
тени тех,
что прошли через гудящие метели,
не угаснув,
не устав,
не ослабев.
Как пробились,
прогудели б,
промелькнули,
как скользнули
по извёстке напрямик
в неизвестность,
в вечность,
в нежность
и под пули
тени тех,
кто в памяти возник!

* * *

В дремучем и древнем, и каменном мире
судёнышко – гостем грядущих веков.
И зоркий локатор старается вырвать
вершину горы из туманных оков...

И чудятся первые землепроходцы,
и жёлтый пергамент замусленных карт...
И прошлое
зыблет
звездою в колодце,
сходящимся следом расшатанных нарт.

И прошлое входит названием странным,
косыми глазами косится с листа,
стрелой костяной ударяет о ватман,
сидит на антенне, как птица, устав.

На карте
вершина лишь точка,
и штурман
сверяет линейкой проложенный курс.
Под циркулем горы меж линий ажурных –
как зёрна накатом накатанных бус.

Мы в прошлом.
И берег, и море – всё дико.
Ни нарт, ни жилища, ни дыма костра.
Бинокль и локатор направлены к лику
земли первозданной,
где прячется страх.

Сквозь стёкла
посмотришь из рубки на берег,
на древние чаши гигантских пиров –
гора зарычит растревоженным зверем,
захлещет заката хрипящая кровь,
задыбится камень
бестравный, безлесый,
обугленный в жерлах вулканных печей.
Горячее облако – пеплом белёсым,
а море как лава – ещё горячей.

Забьёт, загрохочет расплавленной медью
прибой среди ломкой окалины скал...

И нам на спасение – предков наследье
вершина,
которую штурман искал.

* * *

В стихию пространства
напором ума и металла!
Рядом звёзды,
и где-то внизу,
на клубящемся дне,
будто угли костра в темноте разметало,
улеглись города в глубине.

Словно мы родились
не в Калуге —
в космической дали,
и всегда были трассы
по выгибу звёздных лекал,
и тяжёлые тучи
на дне океана лежали,
и по дальним планетам
наш путь пролегал.

Машина — отросток, побег нашей мысли,
она продолженье
наших рук,
нашей кожи
и глаз...
И полёт её —
наше движенье,
это дерзость,
что в наших сердцах родилась!

Мы в полёте,
мы в пламени века.
Пускай неохотно
принимает нас грозная синь,
Но ломаются
границы пространства,
и рвутся
полотна,
отделившие землю
от звёздных пустынь!

Содержание

Предваряющее слово	5
СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ	
СТИХИ О СТИХАХ	10
Продать свой мозг.....	11
ОН ПТИЦ ПРИВЕЧАЕТ	12
А БЫЛА ТЕЛЕГА	14
ТРАССА ВНИЗУ.....	16
Боюсь владельцев дач.....	18
ОСЕНЬ	19
Метель.....	20
ЭТОТ ДЕНЬ	22
СРЕТЕНЬЕ	23
Стать дурочкой.....	24
В эту ночь, что черна и бела.....	25
Весь день был снегопад.....	26
Не берегут любимых.....	27
Забыл слова, забыл напев я	28
Нет, это не для слуха.....	29
На пашне – яблонь лепестки.....	30
В берёзах свежим нахлёстом.....	31
ИНОГДА	32
ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО	34
ПЕРВЫЙ СНЕГ	36
ИЗВЕСТНОСТЬ	38
Убеждали творца-современника люди.....	40
Разве что-нибудь значит.....	41
Всё глубже погружаюсь в годы.....	42
ТЁТКИН САД	43

ПАМЯТНИК ПОЭТУ	44
Он там сидит.....	46
Славьте мёртвых!.....	47
Сжечь рукопись!.....	48
ОСЫ	49
СРЕДИ ВЕЩЕЙ	50
ТАИНСТВО ПЛОТИ	52
ЧАСЫ ВЕСНЫ	55
С палочкой-копалочкой.....	56
Как мы хохотали!.....	57
В нелёгкой жизни... ..	58
Этот звонкий золочёный волосок.....	60
Я боюсь поездов.....	61
СТАТЬ НАЧАЛОМ	62
Водорослей принесу и листьев.....	64
В этом городке.....	65
Узор досок убог и сер.....	66

КРАСКИ СЕВЕРА

КРАСКИ СЕВЕРА	68
КОЕ-ЧТО ОБ ИСТИНЕ	69
Ещё вокруг деревья голы.....	70
Через июльские покровы.....	71
БАКЕНЫ	72
ВЕСНА	73
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ	74
Это свечение моря.....	76
Завешены дали.....	77
На Север.....	78
Сибирь в снегах.....	80
ВЛАДИВОСТОК	81

Не доверяй.....	82
Кто видел, как выходят из-под снега.....	83
На взлётном поле.....	84
Радость первого снега.....	85
Аптекарский настой.....	86
На тонких ветках капель нанизь.....	87
Река в холодной чешуе.....	87
Всё знаю: там руки и губы в малине.....	88
Что за лакомство – боярышник.....	89
АПРЕЛЬ	90
Тайга пахнёт пчелиным ядом.....	91
Смыкаются невидимые двери.....	92
Поедем в город грибников.....	93
ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ	94
НОЧНОЙ ДОЖДЬ	96
От угля синих звёзд.....	98
Весной всегда – как будто всё сначала.....	99
Звериные шкуры.....	100
Мне дайте пеночку.....	101
Развозит дороги.....	102
Городишко пряно-овсяный.....	103
ОМУЛЬ	104
Перепутье времён.....	105
В полях слюда и соль.....	106
Она спит в коляске.....	107
Беззвездие и ночь.....	108
ВЕШНЯЯ ТАЛОСТЬ	109
Птицы влетают в костёр через пламя.....	110
Земля волнуется и хохлится.....	111
Вечерние птицы.....	112

Байкальский шторм.....	113
А тут ещё живёт густая тишина.....	114
По-зверьи уходить в леса.....	115
ЧУМ	116
ЛАВЧОНКА «СЕМЕНА»	118
Если б на стене все профили.....	119
В дремучем и древнем, и каменном мире.....	120
В стихию пространства.....	122

*Приглашаем читателей посетить сайт
Николая Димчевского
dimchevsky.su*

*Книги Николая Димчевского
можно заказать на сайте
и по телефону:
8 (921) 355-96-48*

Николай Димчевский
СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ
Стихи

*Художественное оформление Нина Рассадина
Корректор Татьяна Зорина*

Фонд им. Николая Димчевского
Формат 70x100/32, Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Тираж 150 экз.
Отпечатано в типографии Супервэйв Групп.